

Правовое регулирование приоритета конкурирующих заявителей уступленного требования

ПРОКОФЬЕВ Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела гражданского законодательства зарубежных государств Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34

В настоящей статье анализируются такой аспект коллизионного регулирования цессии, как определение права, регулирующего приоритет конкурирующих заявителей требования, и связанные с этим вопросы. Рассматривается действующее законодательство в области международного частного права и уступки требований, а также правовые позиции судебной практики и доктрины. В сравнительно-правовом аспекте освещается зарубежный опыт решения данного коллизионного вопроса, выделяются и рассматриваются различные подходы.

Ключевые слова: международное частное право, сравнительное правоведение, коллизионное регулирование, уступка требований, цессия, финансирование, права третьих лиц, конкурирующие заявители требования, приоритет.

Legal Regulation of Priority of Competing Claimants of Assigned Claim

A. S. Prokof'ev, PhD in law

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russia

E-mail: alexprok86@gmail.com

In the present article the author analyses an important aspect of conflict of laws regulation of the assignment, namely, competing claimants' priorities and other relevant issues such as proprietary aspects of assignment. Competing claimants legal notion includes the following types of persons: creditors of the assignor, insolvency administrator and other assignees. All of them may make claims in the right assigned and thus imperil assignee's rights. Existing legislation in the area of private international law and the assignment of claims as well as the legal positions in the case law and doctrine are examined in the article. Foreign experience regarding this choice of law problem is elucidated from the comparative law perspective: different approaches are distinguished and examined therein. There are four approaches based on different connecting factors: law of the assignment contract, law of the assigned claim, law of the assignor's location, law of the debtor's location. Author examines each of the approaches, their advantages and disadvantages and other legal implications.

Keywords: private international law, comparative law, conflict of laws regulation, assignment of claims, cession, finance, rights of third parties, competing claimants, priority.

DOI: 10.12737/6007

Уступка прав требования, или цессия, играет важную роль в качестве правового механизма, используемого для привлечения финансирования в предпринимательскую сферу и для снижения рисков неплатежа по обязательствам. Это особенно актуально на фоне развития инте-

грационных процессов, затрагивающих в том числе торговые и финансовые рынки, сопровождающихся кризисными явлениями в мировой экономике. В современных условиях расширяются возможности использования цессии, появляются основанные на ней самостоятельные

правовые инструменты, такие как факторинг, форфейтинг, секьюритизация, проектное финансирование, рефинансирование.

Российские лица все чаще заключают с иностранными контрагентами договоры, содержащие условия об уступке требований, однако правовая неопределенность по некоторым вопросам снижает готовность инвесторов предоставлять финансирование, а также увеличивает затраты, связанные с юридическим анализом сделки. Для цессионария, предоставляющего финансирование в обмен на право требования, важно знать, что его право в отношении уступленного требования будет сильнее прав третьих лиц, именно поэтому приоритет конкурирующих заявителей требования является крайне важным аспектом коллизионного регулирования цессии. Данный аспект наименее поддается унификации и вызывает больше всего проблем на практике.

Как показывают результаты статистической части комплексного исследования, проведенного Британским институтом международного права и сравнительного правоведения по заказу Европейской комиссии, 80% опрошенных предпринимателей из различных европейских стран высказываются о необходимости четкого коллизионного регулирования данного вопроса¹.

Приоритет конкурирующих заявителей требования включает следующие вопросы.

Во-первых, соблюдением каких формальных предписаний законодательства обусловлен переход требования, являющегося предметом уступки, из имущества cedent в имущество цессионария? Ины-

ми словами, что сторонам цессии необходимо сделать, чтобы уступка возымела не только обязательственный эффект между ними, но и вещно-правовой эффект в отношении третьих лиц (стала действительной как *inter partes*, так и *erga omnes*)?

Во-вторых, собственно вопрос о приоритете: будет ли право цессионария на уступленное требование иметь приоритет перед правами конкурирующих заявителей, в том числе в отношении уже полученного от должника исполнения (и, если да, то с какого момента), а также сможет ли цессионарий предъявить иск против кого-либо из конкурирующих заявителей, если должник уже исполнил ему уступленное требование и такое исполнение является надлежащим в соответствии с применимым правом?

Для удобства в данной статье мы будем называть указанные вопросы действием цессии в отношении третьих лиц.

Под конкурирующими заявителями уступленного требования подразумеваются следующие категории третьих лиц:

кредиторы cedent, желающие обратить взыскание на требование, являющееся предметом уступки;

конкурсный управляющий при несостоятельности cedent, стремящийся включить в конкурсную массу требование, являющееся предметом уступки;

другие цессионарии, которым данное требование было также уступлено cedentом.

В российском законодательстве вопрос о том, каким юридическим фактом обусловлен вещно-правовой эффект цессии, прямо не урегулирован. В доктрине преобладает подход, согласно которому «цессионарий занимает место кредитора немедленно после заключения договора независимо от наличия или отсутствия согласия должника»², а уведомление выносится за пределы

¹ Study on the Question of Effectiveness of an Assignment or Subrogation of a Claim Against Third Parties and the Priority of the Assigned or Subrogated Claim Over a Right of Another Person. Final Report. British Institute of International and Comparative Law. P. 58. URL: http://ec.europa.eu/justice/civil/files/report_assignment_en.pdf.

² Бразгинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. М., 1997. С. 373.

юридического состава цессии³. Не так давно в ГК РФ были внесены изменения⁴, которые впервые предусматривали норму (п. 4 ст. 390) о приоритете прав конкурирующих цессионариев. В соответствии с ней в отношении между несколькими лицами, которым одно и то же требование передавалось от одного cedent, требование признается перешедшим к лицу, в пользу которого передача была совершена ранее. В случае исполнения должником другому цессионарию риск последствий такого исполнения несет cedent или цессионарий, которые знали или должны были знать об уступке требования, состоявшейся ранее.

В праве зарубежных государств по-разному решается вопрос о том, какими юридическими фактами обусловливается вещно-правовой эффект уступки требования: заключением договора об уступке требования в определенной форме, уведомлением должника об уступке особым способом (например, через судебного пристава) либо в определенной форме получением формального письменного согласия должника на уступку или регистрацией уступки в соответствующем публичном реестре⁵. Соответственно, цессионарий будет иметь приоритет перед конкурирующими заявителями уступленного требования, если успеет «формализовать» свое право предусмотренным законом способом раньше, чем они — свое. Такое разнообразие

возможных вариантов, когда при несоблюдении тех или иных условий цессионарий рискует вовсе не получить требование, говорит о чрезвычайной важности верного определения права, регулирующего вещно-правовой эффект уступки.

Согласно п. 1 ст. 1216 ГК РФ право, подлежащее применению к соглашению между первоначальным и новым кредитором об уступке требования, определяется в соответствии с правилами ГК РФ о праве, подлежащем применению к договору. Таким образом, к отношениям между cedentом и цессионарием, возникающим по поводу цессии, применяется право, регулирующее заключенный между ними договор об уступке требования. Статутом договора о цессии определяется действительность уступки требования лишь в отношениях между cedentом и цессионарием, т. е. обязательно-правовой эффект уступки, но не вещно-правовой эффект в отношении третьих лиц.

В пункте 2 ст. 1216 ГК РФ закреплена коллизионная норма, согласно которой допустимость уступки требования, отношения между новым кредитором и должником, условия, при которых это требование может быть предъявлено к должнику новым кредитором, вопрос о надлежащем исполнении обязательства должником определяются по праву, подлежащему применению к требованию, являющемуся предметом уступки. Правом, подлежащим применению к уступаемому требованию, является право, регулирующее первоначальный договор, из которого это требование возникло.

Здесь также прямо не говорится о праве, регулирующем действие цессии в отношении конкурирующих заявителей уступленного требования, упоминается лишь допустимость уступки требования. Какие же вопросы включает в себя допустимость уступки требования, и есть ли среди них действие в отношении третьих лиц? В отечественной юри-

³ См.: Черепяхин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962. С. 68.

⁴ См. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ.

⁵ Подробнее см.: Прокофьев А. С. Правовое регулирование уступки требований во Франции и Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 5. С. 177—183; Он же. Правовое регулирование уступки требований в Англии и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 3. С. 133—138.

дической литературе данный вопрос детально не исследовался, но в некоторых работах высказываются суждения, содержащие скорее утвердительный ответ на него⁶.

Однако все не так однозначно. С уверенностью можно утверждать лишь, что допустимость охватывает следующие моменты:

общие правила о возможности уступки прав требования (в российском законодательстве это общие нормы гл. 24 ГК РФ, например норма п. 1 ст. 388, согласно которой уступка требований допускается, если она не противоречит закону);

запреты на совершение цессии в тех или иных случаях (например, в силу нормы ст. 383 ГК РФ запрещается уступка требований, неразрывно связанных с личностью кредитора);

ограничения, налагаемые на цессию (например, п. 2 ст. 589 ГК РФ ограничивает перечень лиц, которым могут быть уступлены права из договора постоянной ренты: ими могут являться только граждане и некоммерческие организации);

особые требования, предъявляемые к цессии (например, согласно п. 2 ст. 388 ГК РФ нельзя уступить без согласия должника требование по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение).

Как и остальные составляющие объема коллизионной нормы, содержащейся в п. 2 ст. 1216 ГК РФ, перечисленные вопросы затрагивают в первую очередь интересы и правовое положение должника. Действительность цессии в отношении конкурирующих заявителей требования охватывается лишь постольку, поскольку соответствующие разновидности уступки либо в принципе запрещены законом, либо для их

формализации установлены особые требования в интересах должника. Соответственно, нельзя сделать вывод о том, что указанной нормой регулируется право, определяющее действие цессии в отношении третьих лиц.

Нелишним будет обратиться к зарубежному опыту, поскольку, как справедливо отмечается в отечественной литературе⁷, разд. VI ГК РФ во многом следует Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 г. (далее — Римская конвенция), впервые унифицировавшей коллизионное регулирование гражданско-правовых договоров в Европейском Союзе. Коллизионные нормы Римской конвенции об уступке требований перекочевали с некоторыми изменениями в заменивший ее Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета ЕС о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I). В зарубежной доктрине отмечается, что используемый в Римской конвенции и Регламенте термин «допустимость уступки» (*assignability*), может рассматриваться как в обязательственно-правовом, так и в вещно-правовом контексте. В первом случае имеется в виду возможность изменения лица, правомочного потребовать исполнение с должника. Применительно же к вещному праву допустимость уступки означает переход права требования из имущества одного лица в имущество другого. Это не обязательно означает изменение лица, управомоченного взыскать долг, а в первую очередь определяет, кому в итоге будет принадлежать полученное от должника исполнение. Данный аспект в принципе не затрагивает должника, поэтому не включа-

⁶ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч. 3: учеб.-практ. коммент. (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. М., 2011 (автор комментария к ст. 1216 ГК РФ — А. А. Павлов).

⁷ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный). 3-е изд. / под ред. Н. И. Маврышевой, К. Б. Ярошенко. М., 2010. С. 576 (автор комментария к ст. 1216 ГК РФ — Т. П. Лазарева).

ется в сферу действия статута уступаемого требования⁸.

Кроме того, в ст. 27(2) Регламента предусмотрена обязанность Европейской комиссии представить доклад о вопросе действительности уступки требования и приоритета прав на уступленное требование перед правами иных лиц с возможными предложениями о включении соответствующих норм в Регламент. Из этого следует, что позиция разработчиков Регламента такова, что названные вопросы не охватываются его коллизионными нормами об уступке требования, которые, к слову, соответствуют нормам Римской конвенции и разд. VI ГК РФ.

Отечественным судам пока не приходилось сталкиваться с необходимостью определять право, регулирующее действие цессии в отношении конкурирующих заявителей уступленного требования. Судебная практика имеется лишь касательно определения права, подлежащего применению к вещно-правовым аспектам уступки, когда суд по инициативе должника решал вопрос о действительности договора цессии и о принадлежности требования цессионарию. В определении ВАС РФ от 6 июня 2012 г. № ВАС-3227/12 речь идет о допустимости уступки в смысле общих правил о возможности передачи требования (совершение цессии вопреки запрещающей ее оговорке в первоначальном договоре между должником и цедентом), а в постановлении Президиума ВАС РФ от 12 ноября 2013 г. № 10508/13 — о запрете на совершение цессии требований к банку-должнику в случае наложения моратория на его деятельность. В обоих случаях суд совершенно справедливо применил статут уступаемого требования к действительности цес-

сии в отношении должника на основании п. 2 ст. 1216 ГК РФ, однако это не позволяет сделать однозначные выводы о позиции судебных органов по определению права, регулирующего действие цессии в отношении иных третьих лиц, поскольку приведенные случаи их не затрагивают.

В то же время в практике Международного коммерческого арбитражного суда (МКАС) при Торгово-промышленной палате РФ поднимался вопрос о том, охватывается ли допустимостью уступки возможность передачи будущих требований, а также требований без их индивидуального определения. Данный вопрос является крайне актуальным для рассматриваемой в настоящей статье проблемы, поскольку, как справедливо отмечается в зарубежной доктрине, допустимость уступки будущих требований, а также «оптовой» уступки не относится ни к материально-правовому содержанию требования (*material attributes of the claim*), ни к правовому положению должника, а затрагивает взаимоотношения цессионария с цедентом и прежде всего с возможными конкурирующими заявителями требования⁹.

МКАС в решении по иску, предъявленному фирмой с Британских Виргинских островов к организации Республики Беларусь, при определении возможности уступить «все свои настоящие или будущие, условные и (или) возможные требования и права», как это было предусмотрено в договоре цессии, посчитал, что данный вопрос охватывается категорией допустимости уступки, и применил российское право, ссылаясь на п. 2 ст. 1216 ГК РФ. В результате арбитраж пришел к выводу о том, что перехода прав требования не про-

⁸ См.: *Alferez F.* Assignment of Claims in the Rome I Regulation: Article 14 / eds. by *F. Ferrari, S. Leible.* Rome I Regulation. The Law Applicable to Contractual Obligations in Europe. Munich, 2009. P. 229.

⁹ См.: *Kieninger E. M., Sigman H.* The Rome-I Proposed Regulation and the Assignment of Receivables. The European Legal Forum. 2006. No. 1. P. 8—9; *Flessner A., Verhagen H.* Assignment in European Private International Law: Claims as Property and the European Commission's "Rome I Proposal". 2006. P. 46.

изошло¹⁰. На основании указанного решения можно сделать вывод о том, что МКАС придерживается позиции, согласно которой вещно-правовой эффект цессии *erga omnes* (в том числе в отношении конкурирующих заявителей) регулируется статутом уступаемого требования.

Большой практический и научный интерес представляют способы разрешения данного коллизийного вопроса в зарубежных государствах (в первую очередь — членах ЕС, из-за схожести коллизийных норм с содержащимися в ГК РФ), как закрепленные законодательно, так и выработанные судебной практикой. Этот зарубежный опыт может быть использован при совершенствовании отечественного законодательства и практики его применения. Можно выделить следующие основные подходы в зависимости от коллизийной привязки, на основании которой определяется право, подлежащее применению к вещно-правовым аспектам цессии и вопросу приоритетов: статут договора об уступке требования, статут уступаемого требования, право страны cedentia и право страны должника.

Статут договора об уступке требования. Действие цессии в отношении третьих лиц определяется правом, регулирующим договор между cedentem и цессионарием (зачастую это право, выбранное ими самими). Данный подход нашел поддержку в судебной практике и законодательстве Нидерландов¹¹, а за пределами ЕС — в Швейцарии¹².

¹⁰ См.: Решение МКАС при ТПП РФ от 23 мая 2005 г. по делу № 43/2004 // Практика МКАС при ТПП РФ за 2005 г. / сост. М. Г. Розенберг. М., 2006. С. 192.

¹¹ См.: *Van Dongen S., Verhagen H.* National Report the Netherlands // Study on the Question of Effectiveness of an Assignment or Subrogation of a Claim Against Third Parties and the Priority of the Assigned or Subrogated Claim Over a Right of Another Person. Final Report. P. 262.

¹² См. п. 1 ст. 145 Федерального закона 1987 г. «О международном частном праве»:

Следует отметить, что обязательно-правовое и вещно-правовое действия уступки требования являются тесно связанными друг с другом вопросами, так же как и действительность уступки *inter partes* и *erga omnes*. Регулирование действия цессии в отношении как ее сторон, так и третьих лиц полезно и из чисто прагматических соображений, поскольку указанные вопросы регулируются одним правом, оценка правовых последствий заключения договора становится проще и требует от сторон меньших затрат на юридическое сопровождение сделки.

Кроме того, рассматриваемый подход удобен для cedentia и цессионария, поскольку обеспечивает автономию их воли и позволяет им выбрать наиболее благоприятный правовой режим для своей сделки: так, при передаче совокупности требований, регулируемых правом различных государств, стороны могут подчинить действительность всех уступок одному праву. Если же при уступке одного требования стороны выберут в качестве применимого право, регулирующее указанное требование, это позволит подчинить все аспекты цессии одному национальному правопорядку и избежать возможных проблем, связанных с применением иностранного права, таких как конфликт квалификаций.

Наконец, применение к действию цессии в отношении третьих лиц права, избранного сторонами, позволит избежать необходимости выработки специальных коллизийных правил для отдельных секторов экономики, поскольку стороны смогут выбирать право, которое представляется им наиболее подходящим к их конкретному случаю.

При всех плюсах данного подхода некоторые его особенности могут крайне негативно повлиять на

Loi fédérale du 18 décembre 1987 sur le droit international privé (LDIP). URL: <http://www.admin.ch/ch/f/rs/291/index.html> (дата обращения: 19.05.2014).

практические результаты его применения. Автономия воли может из достоинства превратиться в существенный недостаток, поскольку цедент и цессионарий могут злоупотребить договорной свободой в целях нарушения прав третьих лиц. Привязка к закону, выбранному сторонами, облегчит вывод активов с использованием офшорных компаний и совершение различных коррупционных схем.

Применение права, регулирующего договор о цессии, не предоставляет потенциальным кредиторам объективных средств для выяснения существования прав других лиц на требование, предлагаемое в качестве предмета обеспечения обязательства. Кроме того, не предусматривается эффективного решения для определения приоритета, когда оба конкурирующих заявителя уступленного требования являются цессионариями. В этом случае, если уступки регулируются правом разных государств, предусматривающим разные способы определения приоритета, данный вопрос становится неразрешимым в рамках указанного подхода.

Наконец, если право, подлежащее применению к договору об уступке, сторонами не выбрано, определение статуса этого договора может оказаться проблематичным, поскольку в договорных конструкциях, включающих уступку требования, не всегда можно однозначно определить исполнение, имеющее решающее значение для договора.

Статут уступаемого требования. Данный подход былработан в решениях английского Суда королевской скамьи (Queen's Bench Division)¹³ и Верховного суда Германии (Bundesgerichtshof)¹⁴, которые,

столкнувшись с необходимостью определить право, регулирующее действие цессии в отношении третьих лиц, сделали это на основании коллизионной привязки к статуту уступаемого требования. Суды посчитали, что данный вопрос охватывается п. 2 ст. 12 действовавшей тогда Римской конвенции (ему соответствует п. 2 ст. 1216 ГК РФ).

Подход, основанный на привязке к статуту уступаемого требования, является наиболее распространенным в мировой практике при определении приоритета конкурирующих заявителей. Его придерживаются в законодательстве Испании, доктрине Италии, а также в судебных прецедентах Австралии и Канады¹⁵. В Японии и Республике Корея недавно произошли реформы законодательства о международном частном праве, в результате которых был воспринят рассматриваемый подход, хотя он уже начал подвергаться там критике¹⁶.

Данный подход, как и предыдущий, позволяет снизить сложность и расходы по юридическому сопровождению сделки, а также потенциально подчинить действие всех аспектов уступки одному праву. Плюсом этого подхода можно считать также снижение вероятности перемены правопорядка, регулирующего уступаемое требование, в то время как при применении иных подходов страна, право которой применяется, может меняться гораздо чаще в силу изменения договора или ме-

¹⁵ См.: Study on the Question of Effectiveness of an Assignment or Subrogation of a Claim Against Third Parties and the Priority of the Assigned or Subrogated Claim Over a Right of Another Person. Final Report. P. 20—21, 241, 313, 365—366.

¹⁶ См.: Okuda Y. Reform of Japan's Private International Law: Act on the General Rules of the Application of Laws // Yearbook of Private International Law. 2006. Vol. 8. P. 165—166; Suk K. H. The New Conflict of Laws Act of the Republic of Korea // Yearbook of Private International Law. 2003. Vol. 5. P. 129.

¹³ См.: Raiffeisen Zentralbank Österreich AG v. Five Star General Trading LLC. Queen's Bench Division (Commercial Court) // Lloyd's Law Reports. 2000. Vol. 2. P. 684—688.

¹⁴ См.: Bundesgerichtshof 8.12.1998. IX ZR 302/97; Flessner A., Verhagen H. Op. cit. P. 12, 13.

стонахождения стороны. Кроме того, в зарубежной доктрине высказывалось мнение, что привязка к статуту уступаемого требования лучше других подходит для уступки требований, связанных с банковскими счетами и финансовыми инструментами. Впрочем, последний аргумент сложно оценить, поскольку автор не указывает, на каком основании он пришел к такому выводу¹⁷.

Вместе с тем определение применимого права может оказаться проблематичным, если первоначальный договор, из которого вытекает уступаемое требование, не содержал условия о выборе применимого права. Кроме того, данная коллизионная привязка не применима в отношении распространенных в современной коммерческой практике уступок будущих прав и уступок прав без индивидуального определения: в первом случае применимого права не существует, пока не возникнет требования, а во втором случае уступаемые требования могут регулироваться правом разных государств.

Помимо вышеуказанных трудностей, в случае несостоятельности cedent в государстве, в котором ведется конкурсное производство, может оказаться проблематичным признание прав цессионария, возникших на основании права другого государства. Наконец, по мнению некоторых иностранных авторов, использование одинаковой коллизионной привязки для определения действия цессии в отношении как должника, так и иных третьих лиц является нежелательным, поскольку действительность цессии в отношении третьих лиц не имеет отношения к защите прав должника, для которого не имеет значения, кому достанется исполнение по его обязательству¹⁸.

Право страны cedent. Такого подхода придерживается законодательство Бельгии¹⁹, а также стран, в которых регулирование основывается на Единообразном торговом кодексе (США, Австралия, Канада)²⁰.

В зарубежной доктрине в качестве достоинства такой коллизионной привязки называется обеспечение наилучших возможностей для потенциальных кредиторов по получению информации о принадлежности прав требования и о возможных обременениях, наложенных на них. В полной мере указанное преимущество проявляется, если правом страны обычного проживания cedent предусматривается система регистрации уступок и обеспечительных прав в отношении требований.

Кроме того, рассматриваемый подход признается наиболее подходящим при уступках будущих требований, а также требований без их индивидуального определения, поскольку к уступке совокупности требований, каждое из которых регулируется своим правом, будет применяться право только одной страны. Преимуществом рассматриваемой привязки является также совпадение права, регулирующего действительность уступки, и права, регулирующего производство о несостоятельности в отношении cedent, поскольку это облегчает определение приоритета при несостоятельности cedent, а также позволяет избежать трудностей, связанных с признанием прав цессионария, если те

¹⁹ См.: § 3 ст. 87 Кодекса международного частного права: *Loi portant le Code de droit international privé*. 16 Juillet 2004. URL: <http://www.ejustice.just.fgov.be/> (дата обращения: 19.05.2014).

²⁰ См. ст. 9—301 ЕТК, ст. 239 Закона Австралии: *Personal Property Securities Act*. 2009. No. 130. URL: <http://www.comlaw.gov.au/Details/C2013C00604>. См. также ст. 7 Закона провинции Альберта: *Personal Property Security Act*, RSA 2000, c. P-7. URL: <http://www.qp.alberta.ca/documents/acts/p07.pdf> (дата обращения: 19.05.2014).

¹⁷ См.: *Alf  rez F.* Op. cit. P. 244.

¹⁸ См.: *Virgos M., Garc  martin F.* The EU Insolvency Regulation: Law and Practice. The Hague, 2001. P. 164.

возникли на основании права иного государства²¹.

В рассматриваемом подходе отмечался и ряд недостатков. Так, привязка к местонахождению cedent может быть трудноопределимой, если cedentом является проектная компания (*special purpose vehicle*), как это бывает при секьюритизации, или другое лицо, местонахождение которого трудно определить. Кроме того, cedent вправе менять свое местонахождение. При этом перемещение cedent может поставить под вопрос права цессионариев, что повышает риски при секьюритизации, а также при переуступке требования по цепочке цессионариев²².

Следует обратить внимание и на то, что в ситуации, когда действие цессии для cedent, должника и третьих лиц регулируется разным правом, увеличивается вероятность возникновения скрытых коллизий, а также повышается сложность и стоимость проведения юридической оценки сделки (*due diligence*).

Право страны должника. Правовая позиция, согласно которой действие цессии в отношении третьих лиц регулируется статутом страны должника, исторически сложилась в доктрине и судебной практике Франции²³. В ее обоснование приводился довод о том, что возникновение прав на имущество должно определяться согласно принципу *lex rei sitae*, а требования считаются находящимися в государстве постоянного проживания должника. Аналогичного подхода придерживается Регламент Совета ЕС № 1346/2000 от 29 мая 2000 г.

о процедурах несостоятельности. Согласно ст. 2(g) III Регламента права требования считаются находящимися в государстве, в котором располагается место основной деятельности (*centre of main interests*) должника.

Однако данная позиция редко находит поддержку в зарубежной доктрине. Как отмечается в литературе, применение права страны должника сопряжено с теми же недостатками, которые характерны для применения права, регулирующего уступаемое требование²⁴.

Представляется, что статут договора о цессии, статут уступаемого требования и статут страны cedent являются достаточно хорошо функционирующими коллизионными привязками и предпочтение какой-либо из них является скорее вопросом государственной политики в области международного частного права, нежели правовой теории. Впрочем, на наш взгляд, наиболее предпочтительным является статут страны cedent, поскольку он довольно хорошо подходит для современных разновидностей уступки и позволяет нивелировать правовые риски, характерные для других подходов. В любом случае отсутствие правовой определенности в вопросе о праве, регулирующем действие уступки требований в отношении третьих лиц, может вызывать значительные затруднения на практике и негативно сказывается на доступности финансирования.

Библиографический список

Alferez F. Assignment of Claims in the Rome I Regulation: Article 14 / eds. by F. Ferrari, S. Leible. Rome I Regulation. The Law Applicable to Contractual Obligations in Europe. Munich, 2009.

Flessner A., Verhagen H. Assignment in European Private International Law: Claims as Property and the European Commission's "Rome I Proposal". 2006.

Kieninger E. M., Sigman H. The Rome-I Proposed Regulation and the Assignment

²¹ См.: Alferez F. Op. cit. P. 243.

²² См.: Perkins J. A Question of Priorities: Choice of Law and Proprietary Aspects of the Assignment of Debts // Law and Financial Markets Review. 2008. Vol. 2. No. 3. P. 238.

²³ См.: Pardoel D. Les conflits des lois en matière de cession de créance. P., 1997. P. 191; Sinay-Cytermann A. Les conflits des lois concernant l'opposabilité des transferts des créances // Revue critique du droit international privé. 1992. No. 81. P. 35.

²⁴ См.: Alferez F. Op. cit. P. 245—246.

of Receivables. The European Legal Forum. 2006. No. 1.

Okuda Y. Reform of Japan's Private International Law: Act on the General Rules of the Application of Laws // Yearbook of Private International Law. 2006. Vol. 8.

Pardoel D. Les conflits des lois en matière de cession de créance. P., 1997.

Perkins J. A Question of Priorities: Choice of Law and Proprietary Aspects of the Assignment of Debts // Law and Financial Markets Review. 2008. Vol. 2. No. 3.

Raiffeisen Zentralbank Österreich AG v. Five Star General Trading LLC. Queen's Bench Division (Commercial Court) // Lloyd's Law Reports. 2000. Vol. 2.

Sinay-Cytermann A. Les conflits des lois concernant l'opposabilité des transferts des créances // Revue critique du droit international privé. 1992. No. 81.

Study on the Question of Effectiveness of an Assignment or Subrogation of a Claim Against Third Parties and the Priority of the Assigned or Subrogated Claim Over a Right of Another Person. Final Report.

Suk K. H. The New Conflict of Laws Act of the Republic of Korea // Yearbook of Private International Law. 2003. Vol. 5.

Van Dongen S., Verhagen H. National Report the Netherlands // Study on the Question of

Effectiveness of an Assignment or Subrogation of a Claim Against Third Parties and the Priority of the Assigned or Subrogated Claim Over a Right of Another Person. Final Report.

Virgos M., Garcimartin F. The EU Insolvency Regulation: Law and Practice. The Hague, 2001.

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. М., 1997.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный). 3-е изд. / под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко. М., 2010.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч. 3: учеб.-практ. коммент. (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. М., 2011.

Практика МКАС при ТПП РФ за 2005 г. / сост. М. Г. Розенберг. М., 2006.

Прокофьев А. С. Правовое регулирование уступки требований в Англии и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 3.

Прокофьев А. С. Правовое регулирование уступки требований во Франции и Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 5.

Черепяхин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962.

Имущественный иммунитет на единственное жилое помещение гражданина: обеспечение баланса прав кредиторов и должников

САВЕЛЬЕВ Дмитрий Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и семейного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

Российская Федерация, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

На основании толкования понятия «явное превышение разумной потребности в жилище» автор делает вывод о возможности практического применения данного критерия только при условии законодательного закрепления двух величин обеспеченности жильем, исчисляемой в площади помещений на человека: минимально необходимой и излишней. Вместе с тем автор обосновывает позицию о том, что действующее нормативное регулирование в достаточной степени гарантирует сохранение баланса между конституционными правами должника и кредитора, а изменения в законодательстве могут создать риск злоупотребления правами со стороны кредиторов. Наилучшим вариантом являлось бы допущение обращения взыскания на единственное жилье должника-гражданина только в рамках процедуры банкротства граждан.

Ключевые слова: жилое помещение, право на жилище, баланс интересов, норма минимальной жилой площади, исполнительное производство, ипотека.